

в 10 верстах от устья, остановились на постой в жильях курильца Аручки, где они «за великою бурей» задержались на полтора дня.

Как уже говорилось, жилище Аручки стояло на берегу р. Ишхачан (ныне Явинская 2-я), в том месте, где с юга впадала р. Аанган (ныне р. Явинская 1-я), которая, по выражению С. П. Крашенинникова, «течение имеет неподалеку от моря» (2, с. 68). Кстати, говоря о р. Ишхачан, С. П. Крашенинников отмечает, что: «Ишхачан речка называется просто Явиною, которое имя происходит от испорченного Аанган» (там же, с. 68). То есть, оказывается, еще с той поры две, в общем-то, разные, хотя и с одним общим устьем, реки, назывались одним и тем же, по сути, именем.

25 марта, во время краткого перерыва между двумя циклонами, путники успели проскочить до жилья курильского мужика Кожокчи, располагавшегося в 10 верстах к югу от жилища Аручки (4, с. 203), на берегу ручья, носящего, как было показано выше, в настоящее время имя Шестой Номер. Где и прожили «за великою бурей» три дня. И двинулись к Паужетским «горячим водам» только 29 марта.

И вот тут-то в описаниях С. П. Крашенинникова вновь возникают некоторые неурядицы, на этот раз связанные с расстояниями между отдельными географическими объектами. И в самом деле, в начале вышеприведенного описания С. П. Крашенинников сообщает, что, по его исчислению, длина пути от Кожокчина жилья до р. Озерной составляет 7 верст, а до Озерновских ключей – 16 верст. Однако на самом деле Озерновские ключи располагаются в 13 км от устья р. Озерной. Так что расстояние от Кожокчина жилья до Озерновских ключей, названное С. П. Крашенинниковым, примерно на 4 версты меньше, чем в действительности.

Ошибся он и с определением общего расстояния от Кожокчина жилья до Паужетских термальных источников. Ибо, выехав 29 марта из жилища Кожокчи в 2 часа пополудни, путники около 7 часов утра приехали к горячим ключам, преодолев при этом, по подсчетам самого Крашенинникова, 22½ версты. На самом же деле расстояние от ручья Шестой Номер до Паужетских термальных источников составляет не менее 30 верст. Впрочем, ошибки эти не имеют принципиального значения, и отметил я их только потому, что они существуют.

Пробыв на Паужетских ключах в целях их описания до полудня, С. П. Крашенинников отправился назад и возвратился к горячим ключам, текущим в саму р. Озерную в 6 (в 10) верстах ниже Паужетских ключей. Здесь он пробыл, производя описание ключей, до захода солнца. И в тот же день, около полуночи, возвратился в Кожокчино жилье.

Рано утром 30 марта, около 4 часов, наказав толмачу Михаилу Лепихину отправиться к Степану Плишкину, который, как уже говорилось выше, в это время уже пребывал на Курильском озере, С. П. Крашенинников отправился в обратный путь, к Большерецку. Так что замечу в дополнение к вышесказанному, что М. Лепихин встретился с С. Плишкиным 30, а не 29 марта. И, следовательно, далее, к м. Лопатка они вместе выехали либо 31 марта, либо несколько позднее, но никак не 29 марта.

Что же касается самого С. П. Крашенинникова, то выехав 30 марта из Кожокчина жилья, он в этот же день, миновав по пути р. Голыгину и стоящий на ней острожек Кууюхчен, проехал ни много ни мало 118 верст и заночевал в истоках р. Аадачя (ныне р. Удочка).

На следующий день, проехав с большим трудом (от резкого весеннего потепления снег стал очень рыхол, говорит по этому поводу сам С. П. Крашенинников) 40 верст, путники остановились на ночь в острожке Талжму, располагавшемся в верховьях нынешней р. Каньчевой. И, наконец, 1 апреля в 4 часа пополудни, преодолев оставшиеся 20 верст пути, С. П. Крашенинников возвратился в Большерецк (2, с. 567).

Так завершился второй из намеченных студентом Академии наук маршрутов, осуществление которого, наряду с первым его маршрутом, убедительно раскрыло как недюжинные способности С. П. Крашенинникова по перенесению тягот и лишений походной жизни, так и его умение планировать, организовывать и претворять такие сложные мероприятия, как многодневные путешествия по малообжитому краю в суровых зимних условиях.

Таким образом, анализ текстов С. П. Крашенинникова показывает, что многие детали и особенности второго его маршрута действительно ускользнули из поля зрения моих предшественников. И этот факт лишний раз подтверждает уже не единожды высказанное мною мнение о том, что причиной этого является не столько даже нежелание привлекать для реконструкции его маршрутов соответствующие данные о ландшафтной обстановке, сколько невнимательность исследователей и краеведов, проявленная ими при прочтении материалов бывшего студента Императорской Академии наук. Ибо только невнимательность, и ни что иное, не позволила им заметить, что обратный путь

С. П. Крашенинникова от р. Озерной к Большерецку почти целиком и полностью пролегал в стороне от морского побережья. Так что проведенное исследование восполняет этот пробел в реконструкции второго маршрута великого натуралиста по полуострову.

1. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов / отв. ред.: акад. Л. С. Берг, акад. А. А. Григорьев и проф. Н. Н. Степанов. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. 841 с.

2. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. Т. 1. 438 с.

3. Крашенинников С. П. Шестой рапорт Гмелину и Миллеру от 29 августа 1738 г. / Описание земли Камчатки. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. С. 560–578.

4. Крашенинников С. П. Описание дороги студента Крашенинникова. С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы / подготовка текста и вступит. ст. проф. Н. Н. Степанова. М.; Л.: Наука, 1966. С. 196–224.

Вердел Х., Таэгер А.
ЖИЗНЬ РЕНЕ МАЛЕЗА: ОТ ДИКОГО ВОСТОКА
ДО ЗАТОНУВШЕГО ОСТРОВА
(перевод Л. А. Абрамян)

Доклад представляет собой перевод статьи Хега Вердела (Hege Vardal) и Андреаса Таэгера (Andreas Taeger) из он-лайн версии журнала «Зоотакса». («Зоотакса» – международный научный журнал по зоологии, печатающий рецензируемые статьи по систематике, фауне и таксономии животных с описанием новых видов и других таксонов. – Прим. пер.).

Материал посвящен жизни шведского энтомолога Рене Малеза (1892–1978) – изобретателя ловушки Малеза и одного из самых главных специалистов по мухам-пилильщикам.

Имя Малеза известно большинству энтомологов, но крайне мало известно о невероятной жизни этого человека, который изобрел эффективную и широко используемую ловушку для насекомых. Со дня его смерти прошло более 30 лет, и только у немногих людей остались воспоминания об этом страстном, забавном, щедром человеке, который с уверенностью претворял свои стремления в жизнь. Рене Малез принимал участие в экспедициях к таким далеким землям, как Камчатка и Бирма, где он не только познакомился с природой в ее самом изумительном состоянии и совершил ошеломляющие поездки к коренным жителям, но также пережил сильные землетрясения, извержения вулканов, сталкивался с вооруженными контрабандистами, перевозчиками опиум, встречался с такими животными, как медведи, россомахи, соболи и волки.

Он пополнил не только коллекции насекомых, но также в зоологические (включая палеонтологические), ботанические и минералогические коллекции Шведского музея естествознания в Стокгольме. Материалы, собранные в Бирме, содержали большое количество насекомых. Более того, он опубликовал важнейшие работы, описывающие мир пилильщиков, обитающих в различных частях света, сделав основной упор на дальневосточную и юго-восточную Азию. В течение последних лет своей карьеры он пытался доказать истинность мифа Платона об Атлантиде в нескольких газетах и книгах. Его репутация в научных кругах сильно пострадала из-за его своеобразных взглядов на этот вопрос.

Настоящий биографический очерк основан на следующих источниках:

– архивные материалы Департамента Энтомологии Шведского музея естествознания, касающиеся Малеза, включая его корреспонденцию, газетные вырезки, личные документы (резюме, письма, фотографии) и дискуссии по публикациям Малеза;

– протоколы встреч энтомологического общества в Стокгольме, опубликованные в журнале об энтомологии «Энтомологический журнал» (Entomologisk Tidskrift);

– книги Малеза и его компаньонов по путешествиям, так же как и другие публикации о жизни Малеза и материалы, которые он собрал и др.

Статья представляет собой разрозненную биографическую информацию, которая помогает узнать этого человека в целом.

Детство и учеба

В Стокгольме 29 сентября 1892 г. Августа Содерквист (Augusta Söderqvist) и Эдмонд Малез (Edmond Malaise) радовались рождению своего первого сына Рене Эдмонда Малеза (René Edmond Malaise). Позже в семье родилось еще двое сыновей и дочь. Отец Малеза – француз – в течение многих лет был шеф-поваром изысканного ресторана «Операчелларен» («Operakällaren»).

На рубеже XIX в. семья жила в квартире на улице Сибиллегатан (Sibyllegatan) в Стокгольме. В детстве Малез использовал трубку для пуска стрел, чтобы сбивать перья со шляп женщин, гуляющих по улице (21). Его интерес к оружию, ловушкам и охоте явно проступает во всех его текстах.

В газетной статье, написанной к его 50-летию юбилею, Рене Малез объяснял, что он настолько был восхищен своим кузеном, коллекционирующим бабочек во Франции, что начал изучать насекомых. Позднее он решил сконцентрироваться на практически неисследованных группах, таких как, например, складчатокрылые осы (plant wasps) (перепончатокрылые сидяче-брюхие насекомые (Hymenoptera Symphyta), которых в английском языке ошибочно называют «пилильщики» (sawflies)). Возможно, огромное разнообразие пилильщиков, которых он исследовал в своих путешествиях к Лапландии во время учебы, также способствовали его интересу.

Рене Малез получил образование в трех разных шведских городах. Он окончил старшую школу в Стокгольме 9 декабря 1912 г. и продолжил учебу уже после службы в армии в университетском колледже в Стокгольме, где 26 января 1918 года он получил степень бакалавра. 15 сентября 1938 г. он получил лицензиат (ученая степень между бакалавром и доктором. – Л. А.) в университете Уппсалы (Uppsala University), а позже, 4 мая 1945 г., защитил докторскую диссертацию в Зоологическом институте при университете Ланда (the Zoological Institute of Lund University).

Годы, проведенные среди дикой природы Камчатки

Первое большое путешествие Малеза было совершено в Россию на Камчатку вместе со Стеном и Дагни Бергман (Sten and Dagny Bergman), Эриком и Эльзи Хультен (Eric and Elsie Hultén) и Эрнстом Хэдстромом (Ernst Hedström) в период между 1920 и 1922 г. Экспедиция спонсировалась стипендией Вега (Vega scholarship) и поддерживалась рядом различных организаций и компаний, предоставляющих им еду, оружие, лыжи, шоколад и даже суточную порцию алкоголя. Малез убедил даже шведского художника Зорна (Zorn) поддержать экспедицию значительной суммой в обмен на картинку обнаженных японских девушек (5).

16 февраля 1920 г. члены экспедиции покинули Стокгольм на поезде до Италии. Затем на судне доплыли до Египта, где они провели 3 недели в Каире, ожидая корабль «Япония» («Japán»), на котором они добрались до Йокогамы. Судно «Коммандор Беринг» («Kommandor Bering»), взявшее членов экспедиции в Японию, чтобы довести их до Камчатки, разбило недалеко от мыса Лопатка, южной оконечности Камчатки. Никто не погиб, но часть оборудования экспедиции затонула вместе с кораблем. После проведения практически месяца на м. Лопатка им удалось добраться до столицы Камчатки г. Петропавловска, где они создали базу, с которой и начали свои поездки для сбора коллекции. Часто члены экспедиции путешествовали отдельно друг от друга. Так, например, Малез остановился на изучении восточной части полуострова, в то время как чета Бергман охватывала большие территории, в основном используя собачьи упряжки, как это ярко описано в книге Бергмана «По Камчатке на собачьих упряжках и лыжах» и «Камчатка: отчет о 3-летней исследовательской экспедиции» (3).

Стен Бергман и Рене Малез сосредоточились на сборе зоологического материала, в чем им помогали Дагни Бергман и Эрнст Хэдстром, тогда как Эрик и Эльзи Хультен были ответственными за биологическую коллекцию. В дополнение к его основному интересу, насекомым, существуют записи об археологических находках Малеза, включая стрелы и позвончики, датируемые каменным веком, которые он находил, начиная с бухты Тарья до северо-восточного побережья Авачинской бухты. В с. Машура, в центральной части полуострова, он находил зубы, кости и рога тура. Также в период именно этой экспедиции он застрелил своего первого медведя посередине ночи в хвойном лесу на р. Никулке в самом сердце Камчатки.

Малез влюбился в прекрасный полуостров и остался на Камчатке, даже когда в 1922 г. его коллеги по экспедиции уехали. Он провел там практически все время, отведенное на экспедицию, только прервавшись на короткую поездку в Японию и Швецию в 1923–1924 гг.

После того как его компаньоны, чета Бергман, супруги Хультен и Эрнст Хэдстром, покинули Камчатку, Малез провел очень захватывающий год на полуострове, который он описал в своей книге о путешествии (7). Малез и двое русских охотников, Скурихин и Баранов, ходили к бух. Ольге на восточном побережье Камчатки. Его компаньоны были охотниками на соболей и присоединились к Малезу, чтобы не быть вовлеченными в политический конфликт между Красной армией (большевики) и слабо объединенными антибольшевистскими отрядами, называемыми Белой армией, в Петропавловске. Помимо охоты и сбора животных для музея, Малез планировал составить карту территории, используя последовательные снимки, сделанные с горных вершин.

Малез описал встречи с дикими животными, которых большинство людей никогда бы не увидели. Была необходимость хранить еду, включая мясо убитых во время охоты животных, высоко на деревьях, чтобы не дать рососомам и медведям добраться до нее. Малез, в своей обычной манере, ставил ловушки, чтобы защитить еду, и как-то раз рососома, пытаясь достать немного оленьего мяса, попала в ловушку и была застрелена. В другой раз Малез обнаружил себя в середине стаи волков, когда мыл посуду в ручье. Обычно он не ходил далеко без оружия на этой земле, где в изобилии водились волки и медведи, но он, оставаясь хладнокровным, сумел создать шум, стуча котелками и сковородками, чтобы напугать волков. К счастью, это сработало.

После пары месяцев ношения одной и той же одежды, Малез описывал радость от обнаружения горячих источников, в которых можно было искупаться. Вообразите 8-метровый 62 °С горячий водопад, который они нашли в долине р. Тюшевки. Рядом с горячим источником фауна наблюдалась в изобилии, и Малез отобрал для коллекции выдру и куропатку, так же как и огромное количество насекомых. Например, личинка мухи-береговушки морской (Scatella Robineau-Desvoidy) живет в бурлящей горячей воде.

Здесь также был пойман соболик, который позже был выставлен в Шведском музее естествознания.

Жизнь охотника на Камчатке была определенно трудной. Снежные бури и пурги длились неделями и были серьезной проблемой, еще одной проблемой являлись землетрясения. В феврале 1923 г., на обратном пути со склада снабжения на побережье, Малез остановился в охотничьем домике (юрта), когда сильное землетрясение сотрясло Камчатку. Юрта в некоторой степени обвалилась над его головой, и он едва успел выскочить. Афтершоки продолжались до июля, когда Малез покинул полуостров. Огромное цунами последовало за землетрясением и смыло все вдоль побережья в океан, включая их лодку, провизию, коллекции и фотографии. Вскоре после этого компаньоны Малеза пешком покинули бух. Ольгу, чтобы добраться до Петропавловска, но Малез остался, пытаясь возместить утерянную работу. Он потерял своих собак в пургу, но приобрел неожиданную компанию в лице другого охотника на соболей по имени Воронов, который решил сопровождать Малеза, пока Скурихин и Баранов не смогут договориться насчет лодки, чтобы прийти из Петропавловска и подобрать их. После долгой войны за власть армия большевиков окончательно одержала верх и в качестве одного из способов контроля единственного большого города на полуострове, который существовал за счет охоты на дичь, ввела новые законы об охоте и ужесточила старые. В конечном счете, это привело к тому, что большинство мужчин региона были арестованы или приговорены к принудительным работам, как, например, друзья Малеза. Таким образом, прежде чем лодка пришла и забрала Малеза и Воронова из бух. Ольги, прошло несколько месяцев.

Охота на сивучей и медведей и разделка шкур и мяса детально описаны в книге Малеза (7). Согласно одному из способов приготовления большого куска медвежатины, необходимо выкопать яму, наполнить ее сухими дровами и камнями, сжечь дерево до образования углей, чтобы нагреть камни, набить туда травы и выложить мясо, затем укрыть несколькими слоями веток, травы, соломы и земли и оставить его запекаться в течение всей ночи. По мнению Малеза, подушечки медвежьих лап – самое вкусное угощение, которое может только предложить дикая природа. Приготовленная в яме медвежатина предназначалась для особых случаев, но в качестве простой ежедневной пищи изготавливался хлеб, который назывался лепешка, прямо в мешке для муки, а потом жарился на медвежьем жире.

Малезу случилось быть в Японии во время сильного землетрясения в 1923 г. Он и некоторые его друзья были в Камакуре, чтобы отметить 31 августа – национальный праздник. На следующий день он лежал в своей кровати на втором этаже гостиницы, и после того как пережил 3 000 землетрясений на Камчатке, он сразу же понял, что случилось. Он встал в дверном проеме, который считался наиболее безопасным местом в доме, но комната вокруг него начала разваливаться, и он понял, что надо покинуть здание. Он также спас пару женщин, оставшихся в отеле. Появилось

много очагов возгорания вследствие землетрясения, потому что оно произошло в обеденное время и в большинстве домашних хозяйств и ресторанах горели огни для приготовления пищи. Кроме того, ближайший тайфун помог огню распространиться. Из-за огня погибло гораздо больше людей, чем от самого землетрясения. Приблизительно 100 000 жизней унесла эта катастрофа, не включая туда 40 000, которые исчезли без вести, что сделало это землетрясение одним из самых разрушительных в истории Японии.

Группа из пяти шведов начала искать медицинскую помощь для раненных в Камакуре, но разрушения были повсеместно, включая более крупные города – Йокогаму и Токио. Вдоль всего пути дома лежали в руинах, и в земле были открытые разломы. Толпы беженцев пытались убежать от пожара. Преступники сбежали из тюрем, результатом чего стали разграбления, принесшие еще больше пожаров и убийств. Малез и его друзья были свидетелями того, как люди вершат правосудие, убивая преступников на месте преступления.

Малез хотел вернуться обратно на Камчатку, чтобы продолжить свою работу и позаботиться о своих новых ездовых собаках, но пропустил последний корабль, отплывающий в том году из Японии в Россию, но поскольку он не мог позволить себе провести зиму в Японии, он был вынужден отправиться обратно в Швецию. Он путешествовал по земле по территории России и проявил находчивость, смелость и огромную силу воли, справившись с тем, чтобы добраться до Владивостока и совершить одну из самых долгих в мире поездок по железной дороге, Транссибирской, до Москвы, не имея соответствующей российской визы в паспорте.

Он сумел въехать в страну, выступая в роли курьера важных документов от русского бизнесмена, которого он встретил в Японии. В своем путешествии по России он иногда притворялся иностранцем, который не говорил по-русски и не понимал, что ему говорили чиновники. В других случаях он сумел уговорить влиятельных людей подписать бумаги.

Посещение владивостокского ресторана «Золотой рог» с юмором описано Малезом: «В ресторане никто не подавал признаков жизни. Это наблюдение оказалось определенно преувеличенным, как Марк Твен однажды сказал о своей смерти, поскольку сонный официант внезапно материализовался как паук из своего укрытия, когда он интересуется, не собирается ли муха попасться в его сети» (7).

В конце концов, где-то поздней осенью 1923 г., он добрался до Швеции через Финляндию.

Во второй поездке на Камчатку Малеза сопровождала его старая друг Эстер Бленда Нордстром, журналист и писатель. Они покинули Швецию в 1924 г., поженились на Камчатке в 1925 г. и развелись в 1927 г., когда она покинула Камчатку. Эстер Бленда Нордстром была великолепным писателем и, возможно, более известной, чем ее муж. Она путешествовала инкогнито и писала о жизни обычных и выдающихся людей и несправедливости в обществе. Она написала книгу «Деревня в тени вулкана» (15), о тех годах, которые она провела в деревне Ключи (Klutoni) на Камчатке, недалеко от величественной Ключевской сопки.

После того как Эстер Бленда Нордстром вернулась обратно в Швецию, произошло извержение Ключевской сопки. Позже Малез рассказал о своих впечатлениях об этом событии. Весь север Камчатки был покрыт вулканическим пеплом, что сделало невозможным использование ездовых упряжек и вынудило его частично передвигаться на самодельных лыжах, а частично пешком.

Что было еще хуже, так это то, что на один переход длиной в 15 дней у них было еды на три дня, и они уже начали страдать от нехватки витамина С или от цинги, после того как полтора месяца питались только олениной. Кроме того, будучи охотником, в период с 1927 по 1930 г. Малез основал и управлял соболиной фермой на Камчатке. В Шведском музее естествознания также хранятся очень много материалов, которые он собрал во Владивостоке на своем пути в Швецию в 1930 г. Владивосток является единственной территорией, где встречаются одновременно тропическая и арктическая фауна, в результате чего можно встретить питонов, тигров и тропических птиц, проживающих бок о бок с соболями и лисами. Все это создает уникальное место для сбора материалов. Очевидно, Малез провел здесь около 3 месяцев, собирая материал в окрестностях Владивостока. В течение того же года на протяжении двух месяцев он собирал материалы недалеко от Москвы и Санкт-Петербурга.

Установление ловушки и торговля в Бирме

Малез оставался в Швеции в течение нескольких лет до начала 1930-х гг., но в течение всего этого времени он продолжал подавать заявления на гранты для новых экспедиций. В 1933 г. Малез женился на Эббе Содерхелл, которая была его партнером, пока не отошла в мир иной незадолго

до его смерти. Она была учителем биологии и религии в Лидинге (Lidingö) недалеко от Стокгольма, где пара тогда жила. Жена сопровождала его в экспедиции в Бирму с 1933 по 1935 г. Эбба Содерхелл была необыкновенной женщиной, которая, очевидно, была идеальным партнером для Малеза, даже в экспедициях. Она была чрезвычайно искусна в общении с людьми, разговаривая часто на своем родном шведском языке, которого они не понимали, и вела себя так, что люди принимали ее и доверяли ей. Это были очень ценные качества во время путешествий и сбора материала в таких местах, куда иностранцы не отваживались заезжать.

На Рождество 1933 г. Эбба и Рене Малез покинули Стокгольм и отправились в экспедицию в долины восточных Гималаев, в частности, в Бирму и ее близлежащие территории. Для них обоих основной целью был сбор насекомых. Эбба также намеревалась собрать этнографические материалы.

Малез заметил, что насекомые, попадающие в его палатку, привлекались светом и взлетали кверху в палатке, вместо того, чтобы искать выход. Основываясь на этом наблюдении, он построил ловушку Малеза по типу палатки, в которой насекомых сверху отлавливали и помещали в бутылки со спиртом.

Ловушка Малеза стала самым широко используемым в мире типом ловушки для сбора образцов летающих насекомых. Документы, описывающие идею и конструирование ловушки, были опубликованы позже (9, р. 148–160). Небольшое количество ловушек были сделаны в швейной мастерской в Рангуне (Бирма) в 1934 г. и протестированы впервые во время экспедиции по Бирме.

В течение первых 3,5 месяцев их базовый лагерь был в Камбаити на высоте 2 000 м над ур. м. и всего лишь в 5 км от границы Китая. Эта территория прославилась из-за охотников за головами, и в течение года, пока чета Малез находилась там, в окрестностях пропало 40 человек, хотя жители деревни Камбаити утверждали, что обычай охотиться за головами исчез. Они жили, выжигая лес и выращивая кукурузу. Мужчины сжигали и рубили деревья, и, возможно, занимались контрабандой опиума, в то время как женщины ухаживали за урожаем и вели домашнее хозяйство. Для охоты мужчины использовали ножи и самострелы. Иногда для более крупной дичи, наконецники стрел обрабатывались корнями ядовитого растения аконит (*Ranunculaceae*).

Как-то раз Малез избежал участи быть застреленным вооруженными контрабандистами опиума, повернувшись спиной к вооруженным людям, размахивая сеткой для насекомых и надеясь, что слухи о безобидном коллекционере насекомых дошли и до них. К счастью, они оставили его одного.

Рене и Эбба Малез привезли простое медицинское оборудование в Бирму. Это помогло им установить хорошие взаимоотношения с местными жителями. Например, у них были глазные капли, которые быстро излечивали сильные глазные инфекции. Слухи об их медицинских навыках начали распространяться. Взамен люди помогали им собирать насекомых. Рене и Эбба также выкупали животных и предметы домашней утвари в обмен на сладости, английские булавки, а иногда и деньги.

Переводчик, которого они наняли, не знал всех местных наречий, и поэтому они вынуждены были полагаться на язык жестов при общении с некоторыми местными жителями. Во многих случаях это срабатывало на удивление хорошо. Эбба сумела разрешить потенциально опасную ситуацию с вооруженными мужчинами на китайской стороне границы, куда они осмелились пойти, чтобы посмотреть на национальные костюмы, ювелирные украшения и коллекции насекомых. Она вытащила коробку с бабочками и показала ее мужчинам, разговаривая все время на шведском языке.

Наступил сезон муссонов с сильными дождями, который вынудил их покинуть Камбаити, для того чтобы спасти коллекцию, а также иметь возможность продолжать работу. Коллекции были отосланы в Рангун, а Рене и Эбба направились на юго-восток страны к штату Шан, населенному людьми и кланами, у каждого из которых были свой язык и свои традиции.

Часть территории составляет известняковая высокогорная степь. Долины расположены примерно на высоте 1 000 м над ур. м. и имеют идеальный климат для выращивания таких культур, как клубника, картофель, банан, манго, ананас, мандарин и апельсин.

Пара посетила народность интха (Intha people), живущую в окрестностях оз. Инле (Lake Inle). В озере можно встретить некоторые эндемические виды. Народность интха хорошо известна своим особым способом гребли, который называется «ножная гребля», во время которой ногами обвивают длинное весло и используют все тело, совершая волнообразное движение, чтобы двигать лодку через воду, заросшую камышами. Некоторые большие каноэ могли иметь до 66 гребцов. Люди интха строили бамбуковые дома в воде на сваях и в основном жили за счет риса, который они выращивали, и рыбы, которую ловили в озере. Они посетили и другие племена, живущие в этом

регионе, и эти интересные встречи очень живо описаны в отчете Малеза об этом путешествии (8, р. 1, 19–41).

Разнообразие и количество собранных материалов впечатляет. Этнографические коллекции были самыми большими и включали предметы, которые никогда не собирались ни до того периода, ни позже. Большинство из этих предметов были подарены музеем Гетеборга, а дубликаты некоторых переданы Этнографическому музею в Стокгольме. Этнографические материалы были в основном переданы в Гетеборг, а не в Стокгольм, частично по той причине, что экспедиция была спонсирована частным лицом из Гетеборга, а частично из-за того, что друг Малеза, Вальтер Каудерн (Walter Kaudern), работал старшим куратором этнографического отделения музея Гетеборга. Позже музей был разделен на несколько независимых музеев, например Гетеборгский музей естествознания и Этнографический музей, которые вместе с 3 другими музеями в Стокгольме были в 1999 г. объединены в Музей мировой истории (Världskulturmuseet).

Ботанический материал из Бирмы содержит около 600 гербарных листов, в основном с китайской границы из штата Шан. Кроме того, были представлены шкуры 100 птиц и млекопитающих. Некоторые диковинные животные были обнаружены, в частности, среди заспиртованных млекопитающих. Маленькая панда (*Ailurus fulgens* F. G. Cuvier) была найдена среди коллекции позвоночных. Были собраны образцы около 1 700 пресноводных рыб, представляющих значительный научный интерес, и Малез задействовал свои связи в Бирме, чтобы дополнительные материалы были отосланы в Шведский музей естествознания. Этот материал составляет одну из самых лучших коллекций бирманской рыбы в мире и является основой исследования, которое все еще продолжается в Шведском музее естествознания. Этот материал изучает Гилмар Рэндалл (Hjalmar Rendahl). С тех пор многочисленные классы были описаны и исследованы на базе материалов Малеза, и совершенно недавно были описаны 2 новых вида рыб Кулландером (Kullander) и Бритцом (Britz).

Мьянма – это место обитания многообразной пресноводной рыбы, которое изобилует эндемическими видами, находящимися в большой опасности из-за вырубки лесов и строительства дамб.

Также было собрано около 100 видов пресмыкающихся. Ларс Габриель Андерсон (Lars Gabriel Andersson) работал над земноводным материалом и описал новые виды лягушек, а именно лягушек амолопсов (*Amolops* (as *Rana*) *longimanus*) (2, р. 1–24), пока Гилмар Рэндалл изучал рептилий (17, р. 1–29).

Однако основным интересом Малеза оставались насекомые, и феноменальный успех в их коллекционировании во время бирманской экспедиции является определенно результатом использования ловушек Малеза. Он собрал более 100 000 насекомых, включая 10 000 бабочек, более чем 10 000 жуков и 4 000 пилильщиков. Около 75 % видов пилильщиков были новыми для науки и, возможно, такое же количество новых видов встретилось и в других группах насекомых. Большинство важнейших образцов хранятся в Шведском музее естествознания. Как только образцы были подготовлены для исследований, они были отправлены специалистам со всего мира для идентификации и описания.

Возвращение супругов Малез из бирманской экспедиции было на первых страницах всех новостей в Швеции, а Малез в течение значительного времени проводил лекции по бирманской экспедиции. Его лекции были высоко оценены, поскольку он мог быть очень забавным и демонстрировал великолепные фотографии, сделанные во время экспедиций.

Исследовательская и кураторская работа в Шведском музее естествознания

Широкая известность очень облегчила сбор средств для следующей экспедиции, для которой планировалось 4 ноября 1939 г. выехать из Швеции в Шри-Ланку (Цейлон), южную Индию и Гималаи. Однако Вторая мировая война положила конец этим планам, и бирманская экспедиция оказалась последней большой его экспедицией, если не считать небольшие поездки по музеям Европы.

Малез был не жестко привязан к Шведскому музею естествознания с тех пор, как он начал собирать материалы; он там работал время от времени: с 1915 по 1918 г. и с 1931 по 1935 г. Однако именно после 1935 г. он получил постоянную должность в качестве сотрудника музея в Департаменте энтомологии. Он оставался в этой должности (с повышением в 1939 г.) до тех пор, пока не ушел на пенсию в 1959 г., часто выступая в качестве главы Департамента.

Он являлся членом нескольких организаций и ассоциаций, таких как, например, Шведская ассоциация ученых, ассоциация Минерва (ассоциация ученых и писателей научно-популярного жанра), членом национального и местного энтомологического обществ. Особенно активным

он был в Энтомологическом обществе Стокгольма, членом которого являлся с 1914 по 1978 г., а также занимал такие должности, как член правления и редактор «Энтомологического журнала». На встречах он часто демонстрировал новые ловушки и способы установки, разработанные в результате его постоянных усилий, направленных на улучшение техники сбора материала. На встрече в ноябре 1939 г., он объявил, что поймал несколько редких насекомых в одну из своих автоматических ловушек, которая была поставлена за музеем, а именно стеклянницу (*Synanthedon* (as *Sesia*) *vespiformis* Linnaeus) и папоротникового пилильщика (*Blasticotoma filiceti* Klug) (1, р. 143–156). Когда он узнал о жуках-оленьях (*Lucanus cervus* Linnaeus), обитающих в Сторянгене, недалеко от музея, он незамедлительно занялся их детальным описанием, а также изучением их распространности на территории Стокгольма.

Во время работы в музее он разобрал часть огромного материала, который собрал в период своих путешествий. Он курировал большую часть энтомологических коллекций. Другие его обязанности включали работу с международной корреспонденцией, так как он, помимо шведского, бегло говорил на немецком, английском, французском и русском языках.

Рене Малез, очевидно, имел способность попадать в драматичные ситуации. Он не молчал, когда сталкивался с несправедливостью, и с удовольствием печатался в газетах, если ему было что сказать. Существует огромное количество газетных вырезок в музейных архивах о ссорах между ним и его коллегами, с одной стороны, и их директором профессором Ландбладом (Professor Lundblad), с другой. Кульминацией этой ссоры стало письмо королю Швеции.

Малез жаловался и в письмах, и публично на нехватку технического персонала в музее, который был необходим для разбора всех образцов в обозримом будущем. Он отмечал, что эта работа, возможно, не будет сделана и за 10 лет даже несмотря на то, что Британский музей разобрал четверть образцов во исполнение своих обязательств в качестве одного из спонсоров экспедиции. Он понимал, что существует большой риск того, что образцы могут быть утеряны из-за вредителей или некоторые виды могут быть описаны другими авторами. Переписка Малеза с энтомологами всего мира в послевоенный период с 1946 по 1948 г. дает представление о нем как о человеке, который был не только всецело поглощен коллекциями насекомых, но также очень заботился о своих друзьях-исследователях в тех странах, которые сильно пострадали из-за войны. Он и Эбба продолжали отправлять им посылки с едой и другими необходимыми вещами. Коллега из Департамента энтомологии, Феликс Брик (Felix Bryk), описывал его в газете, посвященной 50-летию юбилею Малеза, как открытого и бесстрашного, но в то же время стеснительного и сдержанного, и самого выдающегося из всех его друзей человека.

Торд Нихольм (Tord Nyholm), другой коллега, высоко ценил энтузиазм, оптимизм и щедрость Малеза, как и его доброе сердце.

Атлантида

Идеи Малеза о затонувшей земле Атлантиде привлекли к нему внимание газет и журналов в 1950 г., включая зарубежную прессу.

В течение следующих лет своей карьеры Малез установил дружеские отношения с Нильсом Хьялмаром Одхнером (Nils Hjalmar Odhner), экспертом по моллюскам из отдела музея по беспозвоночным животным. В 1934 г. Одхнер предложил теорию сужения (16, р. 16, 109–124). Она пытается объяснить, как горы и долины формируются за счет вертикальных движений земной коры, что является результатом высокого давления, вызванного колебанием температур между ядром Земли и холодными водами океанов. Эта теория утверждает, что земная кора составлена из клапанов, которые расширяются или сжимаются в зависимости от температур, но эти клапаны не двигаются относительно друг друга, в отличие от плит, как в целом принято в современных теориях о континентальных сдвигах и тектонических плитах. Возможно, еще не облегчал дело и тот факт, что новым главой Департамента энтомологии Ларс Брундин (Lars Brundin) был пионером идей о филогенетической биогеографии, в которой континентальный сдвиг является важным фактором в объяснении распространения различных организмов.

Малез верил, что он мог доказать, что части Срединно-Атлантического хребта были над уровнем моря еще в недалеком прошлом и впоследствии затонули, таким образом, подтвердив миф Платона об Атлантиде. Его доказательство включало частично состав осадочных пород, взятых с обеих сторон Срединно-Атлантического хребта, ныне до некоторой степени погруженного под воду. Осадочные породы, сформировавшиеся в северных частях хребта, содержали черномзем, который, очевидно, мог сформироваться только над водой, в то время как осадочные породы

с южной части Атлантического хребта содержали остатки пресноводных диатомовых водорослей. В своей докторской диссертации, очень объемном исследовании, опубликованном в 1945 г., самой важной энтомологической публикации Малеза, он объясняет распространение складчатокрылых ос существованием сухопутных перемычек между континентами (10, р. 1–288). Эти идеи были детально изложены в книге Малеза «Атлантида: подтвержденный миф» (11, 14). Его интерес к геологии и биогеографии стимулировался тем, что он обдумывал факт о том, что пилильщик в Патагонии и Аргентине имел своих ближайших родственников в Европе. Малез верил, что это наилучшим образом объяснялось сухопутными перемычками между континентами, нежели континентальным сдвигом. Очевидно, он не принимал во внимание тот факт, что пилильщики в южной Аргентине и Чили имели таких же близких, если не сказать ближайших, аналогов в Северной Америке.

Книга Малеза получила смешанные отзывы, но идеи Одхнера и Малеза о движениях, происходивших в коре, были полностью отвергнуты геологами и геофизиками, которые утверждали, что температуры, установленные в земной коре, вероятно, не смогли бы вызвать такие резкие движения. Однако ясно, что те территории, которые сейчас погружены под воду, в недавнем прошлом находились над водой. Примером служит Доггерлэнд, территория, ныне затонувшая и в настоящем известная как Доггер-бэнк рядом с побережьем Нидерландов и Бельгии, где были найдены остатки леса, бивней мамонта и каменных инструментов охотников. Исландия и Азорские острова являются частью Срединно-Атлантического хребта, которые в настоящее время находятся над уровнем моря и, следовательно, идея о большем Срединно-Атлантическом острове не могла быть полностью неправдоподобной.

Уход на пенсию

После ухода на пенсию интересы Малеза еще больше сдвинулись в сторону геологии и старинной живописи (12, р. 231–260), и после своей последней публикации по пилильщикам (13, р. 20–39), казалось, он довольно внезапно решил перестать работать. Он резко прервал длительную переписку и обмен материалами с коллегами, оставил некую работу незавершенной и не вернул огромное количество материалов, взятых на время из музеев со всего мира.

В послевоенные годы, в течение того времени, когда многие важные предметы искусства вращались в Европе, у него возник сильный интерес к искусству. Он покупал старинные европейские картины на аукционах, блошиных рынках и в антикварных магазинах Лондона и Стокгольма. Ходили слухи об искусно подделанном Рембрандте, но Малез заявил, что картины, которыми он владеет, являются оригиналами, а их вторые экземпляры в художественных музеях и галереях являются подделками. Он умел быть очень убедительным, но, по крайней мере, в нескольких случаях было доказано, что он неправ. Коллекция картин Малеза была подарена факультету искусств университета Умео (Umeå University) в 1970-х гг.

После того как дни его путешествий прошли, он купил летний домик в Симпнасе (Simpnäs) на острове Бьорко (Björkö) в Стокгольском Архипелаге. Эта собственность позже была подарена фонду друзей Шведского музея естествознания (Riksmuseets vänner). Данная организация также управляет трастовым фондом Эббы и Рене Малез (Ebba and René Malaise trust fund), который спонсирует энтомологические исследования. В течение последних лет жизни, он, по-видимому, проводил все больше и больше времени на Симпнасе, где 1 июля 1978 г. сердечный приступ положил конец его долгой и увлекательной жизни.

1. *Ahlberg O.* Föreningsmeddelanden // Entomologisk Tidskrift. № 61 (3–4). 1940. P. 143–156; *Andersson L. G.* Batrachians from Burma collected by Dr R. Malaise and from Bolivia and Ecuador collected by Dr C. Hammarlund. Arkiv för Zoologi. 30A (23). 1939. P. 1–24.

2. *Bergman S.* Kamchatka: skildringar från en treårig forskningsfärd. Stockholm : Albert Bonniers Förlag, 1923. 443 p.

3. *Bergman S.* Through Kamchatka by dog-sled and skis. London. Seeley, Service, & Co., 1927. 106 p.

4. *Hultén E.* Men roligt har det varit. En forskares memoarer. Generalstabens litografiska anstalt. Stockholm : 1973. 460 p.

5. *Kullander S. O., Britz R.* Revision of the family Badidae (Teleostei: Perciformes), with description of a new genus and ten new species. Ichthyological Exploration of Freshwaters. 2002. P. 13, 295–372.

6. *Malaise R.* Jakter och jordbävningar: Öden och äventyr i fjärran Östern [Hunts and earthquakes: Fates and adventures in the Far East]. Uppsala : Lindblad Förlag, 1924. 170 p.

7. *Malaise R.* Bland underliga folk i Burma. [Among extraordinary people in Burma]. Stockholm : ”Ymer” Swedish Society for Anthropology and Geography, 1936. P. 1, 19–41.

8. *Malaise R.* A new insect trap // Entomologisk Tidskrift. № 58. 1937. P. 148–160.

9. *Malaise R.* Tenthredinoidea of South-Eastern Asia with a general zoogeographical review // Opuscula Entomologica. Suppl. 4. 1945. P. 1–288.

10. *Malaise R.* Atlantis: en geologisk verklighet. Stockholm : AB Nordiska Bokhandeln, 1951. 227 p.

11. *Malaise R.* New Oriental saw-flies (Hymen. Tenthred.) // Entomologisk Tidskrift. № 82 (3–4). 1961. P. 231–260.

12. *Malaise R.* New genera and species of the subfamily Blennocampinae (Hym. Tenthred.) // Entomologisk Tidskrift. № 85 (1–2). 1964. P. 20–39.

13. *Malaise R.* Atlantis: a verified myth. Affärstryckeriet i Norrtälje / R. Malaise. 1973. 38 p.

14. *Nordström E. B.* Byn in vulkanens skugga [The village in the shadow of the volcano] / E. B. Nordström. Stockholm : Bonnier, 1930. 273 p.

15. *Odhner N. H.* The Constriction Hypothesis. A Research on the Causes of Crustal Movements. Geografiska Annaler. 1934. P. 16, 109–124.

16. *Rendahl H.* Beiträge zur Herpetologie von Birma. Arkiv för Zoologi. 1937. P. 29, 1–29.

17. *Rendahl H.* Über das Vorkommen des *Misgurnus anguillicaudatus anguillicaudatus* (Cantor) in Birma. Arkiv för Zoologi. № 35A (4). 1943. P. 1–9.

18. *Rendahl H.* Die Süßwasserfische Birmas. I. Die Familie Cobitidae. Arkiv för Zoologi. № 40A (7). 1948. P. 1–116.

19. *Rendahl H., Vestergren G.* Eine neue Art der Gattung *Glyptosternon* s. str. aus dem nordöstlichen Birma. Zoologischer Anzeiger. 1941. P. 133, 213–214.

20. *Sjöberg F.* Flugfällan [The fly trap] // F. Sjöberg. Stockholm : Bokförlaget Nya Doxa, 2004. 233 p.

Т. В. Воробьева

«МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБЛИК ВИТУСА БЕРИНГА...» ПЕТЕР УЛЬФ МЕЛЛЕР О РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВИТУСА БЕРИНГА

История как наука – одно из сложнейших поприщ: она знает бесчисленное множество фактов низвержения кумиров, перемены взглядов на различные исторические события. Не случайно некоторые предпочитают считать ее искусством. Но все же история является наукой. Знания становятся наукой, обретая систему, а история систематизируется. Для понимания многих явлений необходимо увидеть их исторические корни, что порождает порой остроту ранее забытых сюжетов. В 2002 г. в Дании вышла книга «Под командой Витуса Беринга», созданная историками Петером Ульфом Меллером и Наталией Охотиной-Линд. К сожалению, пока она не переведена на русский язык, хотя, несомненно, представляет большой интерес для исследователей экспедиций Витуса Беринга. В ней на основе документов, открытых в последнее десятилетие XX в., рассматривается историография экспедиций, роли их участников, научные и политические цели этих грандиозных мероприятий.

Одна из глав исследования («Меняющиеся облики Витуса Беринга. Критическое изучение российской и датской историографии его экспедиций») посвящена рассмотрению личности самого руководителя двух экспедиций в российской и датской историографии. Автор – профессор Славянского отделения Института истории и региональных исследований Орхусского университета Дании Петер Ульф Меллер, предупреждает читателя, что несмотря на огромное количество публикаций, посвященных изучаемой теме, его внимание будет направлено исключительно на работы российских и датских исследователей. В нашей статье, в связи с ограниченностью ее объема, мы обратимся лишь к анализу ученых российской историографии.

Эпиграфом к своей работе исследователь взял слова Ганса Христиана Андерсена: «Это было опубликовано в газете, это было напечатано, и это чистая правда, что одно маленькое перышко может вырасти до размера пяти больших птиц».

Петер Ульф Меллер подчеркивает отличие художественной литературы, в которой вымышленные образы обретают жизнь, от историографии, где речь идет о реальных людях, однако их характеры могут быть обрисованы столь затейливо, что даже трудно представить, что такие когда-либо существовали. Витус Беринг – реальная фигура. Его рождение зарегистрировано в журнале церковного прихода его родного датского города Хорсенса. Ясно, что факт его существования не